

Искусство как проводник политического мифа в жизнь

В статье рассматривается взаимосвязь политического мифа и искусства. С одной стороны, искусство есть инструмент для реализации политических целей. Создавая мифы-образы, предназначенные для сознания масс, искусство является одним из главных «проводников» политических мифов-идей. В то же время мифы-образы в пространстве культурной памяти, за рамками идеологии, играют иную роль. Искусство является той формой, которая способствует политическим мифам прошлого не просто «вписаться» в современную реальность, а трансформировать пространство культурной памяти.

Ключевые слова: политический миф; политическая власть; искусство; монументальное искусство; культурная память.

Взаимосвязь мифа и искусства начинается со времен первобытного общества. Миф – это «особый вид мироощущения, специфическое, образное, чувственное, синкретическое представление о явлениях природы и общественной жизни, самая древняя форма общественного сознания», писал Ф. Х. Кессиди [2, с. 41]. В сознании первобытного человека возникали образы, которые он выражал в объективной действительности в совершенно разнообразных формах. В переводе с лат. искусство (*experimentum*) – опыт, проба, а значит, всегда выход во внешнее. Если миф есть феномен сознания, то искусство – один из способов выражения мифа в художественном образе, в создании которого задействовано не простое воображение, а творческое воображение. Миф же как первичная форма культуры подвержен трансформации (проблема трансформации мифа исследовалась О. М. Фрейденберг, Е. М. Мелетинским, Э. Я. Голосовкером и др.)

XX век стал веком процветания политического мифа, что было связано с расцветом самых разнообразных идеологий, для которых искусство явилось одним из основных способов создания новых мифических образов, предназначенных для сознания масс.

Каким образом искусство способствует политическому мифу претвориться в жизнь?

Чтобы ответить на этот вопрос, надо понять, что такое политический миф? Какие изменения происходят с политическим мифом при разрушении идеологии?

Политический миф – это особый миф, в котором четко прослеживается система, структура, взаимосвязь его основных элементов. Он может быть понят как тотальное единство трех основных компонентов: «мифа-идеи», «мифа-образа», «мифа-события» [6, с. 20–35].

Рождение политического мифа начинается с идеи. Значительных политических идей каждая эпоха рождает не так уж и много. Любая политическая идея адресна, и в то же время она всегда отсылает нас к своему создателю. Ее авторами могут быть политики, идеологи, партийные группировки и т. д. Создатели мифа-идеи всегда отдают себе отчет в том, какую идею они выражают, каким образом облачают ее в одежды мифа, зачем они это делают, чего они хотят добиться. Идеи часто исходят из потребности общества. Но чтобы идея «водворилась в мире», надо, чтобы она «проникла в душу масс», как пишет Г. Лебон, исследуя роль идей в развитии цивилизации. Но этого нельзя достичь никакими доказательствами:

* **Марина Николаевна Шумихина**, аспирант, специальность «Теория и история культуры», АНО ВО Гуманитарный университет (г. Екатеринбург).

E-mail: shmnsk@mail.ru

«Нельзя произвести никакого влияния, если обращаться только к разуму, – отмечает он, – массы не дают себя никогда убеждать доказательствами, но только утверждениями, и авторитет этих утверждений зависит от того обаяния, каким пользуется тот, кто их высказывает» [4, с. 95]. Политическая идея прогрессирует крайне медленно, она часто оспаривается и, как искра, то разгорается, то затухает. Ее жизнеспособность зависит от того, содержит ли ее сущность так называемый «вечный образ», который и превращает идею в миф-идею. Вечные образы – Героя, Врага, Друга, Чуда, Золотого века и т. д. были порождены еще классическим мифом, из которого и произрастает миф политический (см. подробнее: [6, с. 20–35]).

Идея влечет за собой шлейф событий как фактов жизни, того, что реально произошло, но через миф-образ входит в сознание масс в качестве совершенно иного значимого, переживаемого события. Мифы-идеи утверждаются при помощи самых различных средств, у них на службе, если говорить о современном обществе, – СМИ, реклама, искусство и т. д. Вместе они несут вечные мифические истины, которые формируют сознание человека.

Идеи, которые включают в себя вечный образ золотого века, т. е. мифы-идеи, особенно плодотворно ложатся на «почву» в тех государствах, среди тех народностей, где наблюдается социально-политический духовный кризис. Массы ждут, надеются и ищут чего-то, что, как они предполагают, даст им гармонию, беззаботную жизнь, полную всяких благ. Через мифы-образы, мифы-идеи входят в сознание масс и становятся мифом-событием.

Искусство является особым инструментом приспособления к той или иной ситуации, поэтому власти, чтобы воплотить миф-идею в жизнь, с древнейших времен и по сей день посредством искусства создают мифы-образы, предлагая народу готовые смыслы и идеологические конструкции. При этом темой искусства становятся изображения не только настоящего, но и прошлого с будущим, т. е. власти, создавая «новую картину мира», задействуют все временное пространство и «рисуют» посредством произведений искусства нужное прошлое и счастливое будущее. Так, например, политический контекст ярко представлен в древнеримском искусстве в I веке до н. э., после падения республики и провозглашения империи. Доказательством тому служит Алтарь мира Августа, воздвигнутый римским сенатом в честь триумфального возвращения императора Августа из Испании и Галлии в 13 году до н. э. Через величественные изображения императорской семьи Октавиан Август как будто стремится донести до народа, что появилась новая династия, которая может управлять вечно. Через мифы-образы, которые рождались в искусстве, насаждалось поклонение самому Августу (например: скульптура императора Августа в виде бога Юпитера (I в.) предположительно создана после смерти Октавиана Августа, при царствовании Тиберия). Мифы-образы создавали писатели, поэты, философы, политики. Они прославляли доблесть римских полководцев, героические деяния римлян и т. д., распространяя один общий «римский миф»: Рим избран богами, чтобы править миром.

В XX веке мало что изменилось, искусство все также остается «проводником» политических мифов-идей, с той лишь разницей, что появляются все новые формы. Так, героические мифы-образы по заказу вождя активно конструировали советские писатели, завладевая тем самым воображением миллионов советских людей. «Посадить писателей на государственное довольствие и превратить их фактически в разновидность чиновников – это было дьявольски гениальное решение. Советские литераторы под неусыпным личным контролем Сталина пестовали новую государственную мифологию, получая за это зарплату и премии!» – пишет А. Цуладзе [7]. Поставщиком мифологических образов, которые завоевывают воображение миллионов людей, становится и кинематограф. Большевики быстро

поняли силу кинематографа. Крылатая фраза Ленина о том, что «из всех искусств для нас важнейшим является кино», отражала убеждения ее автора. Ленин «настойчиво требовал, чтобы в кинохронике постоянно рассказывалось о политических акциях советской власти и активно развенчивалась религия» [7]. Особую роль кинематограф сыграл в создании культа личности Сталина. «Вождь лично контролировал создание мифа о самом себе. В тоталитарном государстве вождь и бюрократия непосредственно надзирают над кинопроцессом. Государство полностью содержит и, следовательно, контролирует киноиндустрию» [Там же].

Особая роль в политических манипуляциях отводится монументальному искусству. Именно через монументальное искусство воплощаются большие общественные идеи, рассчитанные на массовое восприятие и существующие, как правило, в синтезе с архитектурой, в архитектурном ансамбле. Скульптурные монументы и памятники историческим событиям и лицам, мемориальные ансамбли, посвященные эпохальным явлениям в жизни народа (например, победе над фашизмом в Великой Отечественной войне), скульптурные и живописные изображения, включенные в архитектурное сооружение, – все эти произведения монументального искусства, которые воздвигаются на площадях, улицах, в парках, являются органичной частью общественных зданий. Этим произведениям свойственна подчеркнутая активность воздействия на массы, они непрерывно «живут» на людях и среди людей.

Особо ярко тандем «политический миф и монументальное искусство» проявился после революционных событий 1917 года в России. Политическая власть с целью формирования «новой» памяти, новейших идеалов и ценностей начинает конструирование нового поля культурной идентичности посредством искусства, где особое место было отведено монументальным практикам. Пространства городов заполняются новой идейной символикой, новыми монументами и т. д. [8, с. 103–108].

Исторические перспективы произведений искусства, которые «работали» на идеологию, с распадом идеологической «матрицы» (К. Гирц) не так велики. Часть из них забывается, часть разрушается, часть становится «безымянной», т. е. первоначально заложенный миф-образ перестает «работать» и создавать миф-событие, так как в государствах культура прошлого в настоящем, опять же, подчинена идеологии, новые идеологии вновь отбирают из прошлого необходимые культурные элементы, способствующие созданию новой матрицы, хотя в то же время идеологии вбирают и новые культурные формы, которые объединяют в единое целое прошлое и настоящее.

Политические мифы, «не вписавшиеся» в новую идеологическую матрицу, остаются в культуре и являются ее неотъемлемой составляющей даже после распада государств и крушения идеологий. Ю. М. Лотман, говоря о существовании пространства культурной памяти, писал о пространстве, в пределах которого некоторые общие тексты могут сохраняться и быть актуализированы [5, с. 673]. По существу пространство культурной памяти – это мир прошлого в настоящем, а политический миф – это уже форма прошлого в настоящем. В пространстве культурной памяти политический миф теряет истинность для масс, которая объединяла миф-идею, миф-образ, миф-событие, приобретая истинность для одного человека.

«Настоящее вытесняет прошлое», – писал Бергсон, искусство же является той формой, которая способствует политическим мифам прошлого вписаться в современную реальность.

Искусство в пространстве культурной памяти можно рассматривать как своеобразный двигательный механизм, который накапливает прошлое и извлекает из него пользу, что ярко обнаруживается на примере монументального искусства.

Государственная идеологическая машина, целью которой является создание новой «картины мира», всегда берет под контроль мир монументального искусства. В этой ситуации все памятники, скульптурные монументы и т. д. становятся «живыми» символами идеологии и идеологического пространства и не нуждаются в представлении, рассказе, так как «говорят сами за себя». Миф-идея посредством монументального искусства развивается в центральный миф-образ, а все остальные образы, если даже они существуют, находятся как бы в тени и в зависимости от него, но с распадом идеологии миф-идея приобретает «шлейф» новых периферических мифов-образов, которые уже не зависят от привилегированного мифа-образа. Таким образом, центральный миф-образ в пространстве культурной памяти теряет доминирующее положение – способность «действовать на реальное». Так, например, политический миф-идея «Великий Ленин спас “убогую” Россию», в Советской России развивается в обобщенный мифический образ Ленина как великого вождя (народного вождя, вождя революции), который должен быть увековечен, в том числе, и в монументальном искусстве согласно Постановлению II Съезда Советов СССР от 26.01.1924 года. Только в Свердловской области за весь период советской власти было установлено 156 памятников вождю [1, с. 3], а сколько их было по всему Советскому Союзу, подсчитать практически невозможно; только в РСФСР их насчитывалось около 7 тысяч. Распад Советского Союза и коммунистической идеологии частично «освободил» культурное пространство от монументов вождю революции. Сегодня городами – лидерами по количеству сохранившихся монументов являются Москва (100 памятников) и Санкт-Петербург (72 памятника) [3]. Надо отметить, что к началу XXI века в Свердловской области осталось 64 монумента Ленину [1, с. 3]. В настоящее время в Екатеринбурге – 13 монументов, но под охрану государства взят только один памятник Ленину.

В постсоветский период к центральному образу Ленина присоединяются новые мифы-образы. Ленин – немецкий шпион, террорист, губитель Великой империи и т. д. Сам по себе сохранившийся памятник, как символ ушедшей идеологии, «молчит», и оживить его может только слово, именно слово конституирует новый образ (образы). И уже каждый отдельный человек видит «свой» миф-образ в этой возвышающейся скульптуре на центральной площади. Так что можно сказать, что в пространстве культурной памяти политический миф живет по-своему, для каждого отдельно взятого человека. Памятник же аккумулирует мифы-образы, тем самым представляя собой «место памяти» (Нора).

Несомненно, искусство является особым инструментом для приспособления человека к той или иной новой ситуации, как внешней, так и внутренней, отсюда политические власти с древнейших времен активно используют искусство в качестве проводника политических мифов-идей с единственной целью – донести до сознания масс нужное прошлое, настоящее и будущее. В свою очередь, порожденные мифы-образы в искусстве в разные исторические эпохи не только являются частью единого пространства культурной памяти, но и постоянно преобразовывают его. Их воспроизведение в настоящем посредством слова поможет сформировать целостное представление о политическом прошлом и станет отправной точкой формирования культурной идентичности.

Литература

1. Баяндина Н. Хождения по мукам бронзового Ленина // Вечерний Екатеринбург. – 2004. – 6 ноября.
2. Кессиди Ф. Х. От мифа к логосу. – М. : Мысль, 1972.
3. Количество установленных памятников Ленину наконец подсчитали [Электронный ресурс]. – URL: https://gazeta.ua/ru/articles/history/_kolichestvo-ustanovlennyh-ramyatnikov-leninu-nakonec-podschitali/568772 (дата обращения: 13.03.2017).
4. Лебон Г. Психология толп // Психология толп. – М. : Институт психологии РАН : КСП+, 1998, – 416 с.
5. Лотман Ю. М. Семиосфера. – СПб. : Искусство, 2000. – 704 с.
6. Мясникова Л. А., Шумихина М. Н. Политический миф: образ, идея, событие // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. – 2015. – № 6. – С. 20–35.
7. Цуладзе А. Политическая мифология [Электронный ресурс]. – М. : Логос, 2003. – 384 с. – URL:<http://www.bib.convdocs.org/v21635/цуладзе> (дата обращения: 22.09.2017).
8. Шумихина М. Н. Политическая мифологизация города // Місто. Культура. Цивілізація : матеріали IV Міжнар. наук.-теор. інтернет-конф., квітень 2014 р. / Харк. нац. ун-т міськ. госп-ваім. О. М. Бекетова. – Х. : ХНУМГ, 2014. – 228 с.

Marina Nikolayevna Shumikhina,

Postgraduate Student, Liberal Arts University –
University for Humanities (Ekaterinburg)

The Art as an Agent of Political Myth Implementation

The article presents a research of interactions between the political myth and the arts. On the one hand, the art is a tool helpful to achieving political goals. Creating myths-images for mass consciousness, the art serves as an important "agent" of political myths-ideas. On the other hand, myths-images in cultural memory beyond the area of ideology play quite a different part. The art is a form, which promotes political myths of the past to be included into current realities, and cultural memory to be transformed as well.

Key words: political myth; political power; the art; monumental arts; cultural memory.